

Кирилл Бордин

Толый волейбо

18+

Кирилл Борджия

Голый волейбол

<https://litres.ru/74665569>

SelfPub; 2026

Аннотация

Одна команда. Один спортзал. Один день. Тринадцать волейболисток — разных, молодых, красивых, с татуировками и без, с историями, которые они годами прятали за формой и улыбками. Капитан, уставшая быть железной. Либоро с птицей на рёбрах. Блокирующая, считающая себя «слишком большой». Новичок, боящаяся осуждения. Девушка, прощающаяся со своим телом. Та, что смеётся, чтобы не заплакать. Фотограф приезжает снимать календарь — и со своими правилами: никаких татуировок, только естественность. Но к вечеру правила не выдерживают напора живых тел и живых историй. Раздевалка, душевая, пустая площадка, финальный общий кадр — и вопрос: кто кого на самом деле снимал весь этот день?

Содержание

Пролог. Команда	5
Капитан	20
Либеро	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Кирилл Борджия

Голый волейбол

Пролог. Команда

I

Спорткомплекс университета стоял на краю кампуса, за старым корпусом, и в семь утра он был похож на большой сарай с антеннами на крыше: серый бетон, узкие окна, жестяная труба котельной, из которой уже шёл пар. Фотограф припарковался у ворот, где на асфальте белела разметка «только для служебного транспорта», и вылез из машины, и воздух ударил в лицо сыростью — сентябрьским утром, пахнущим мокрым листом, мокрым асфальтом и той далёкой химией, которой пахнут все спортивные залы мира: резиной, хлоркой и разогретой пылью.

Он вынул из багажника сумку — камера, три объектива, две вспышки, стойка, — повесил её на плечо и пошёл к служебному входу. Дверь была приоткрыта, и в проёме стояла женщина в спортивном костюме, курила и смотрела на него так, как смотрят на человека, которого ждали, но не слишком радостно.

— Опоздали на четыре минуты, — сказала она вместо приветствия.

— Пробки.

— В семь утра? — Она затушила сигарету о железную урну. — Ну-ну.

Ей было около пятидесяти, и она была из тех тренеров, которые не старятся, а твердеют. Короткая стрижка с проседью, обветренное лицо, сухие руки, привыкшие к свистку и к мячу, и глаза, которые, кажется, видели всё и не удивлялись ничему. На ней был тёмно-синий костюм с эмблемой университета на груди, и эмблема была выстирана до белизны.

— Меня зовут Ирина Павловна, — сказала она. — Я тренер. Пойдёмте, покажу зал, а потом поговорим о ваших условиях.

II

Зал был большой, старый, с высоким потолком, в котором гудели лампы, и с полом, натёртым до того тёмного блеска, который бывает только у дерева, помнящего много тысяч шагов. По обе стороны стояли трибуны — деревянные, с облупившейся краской, — и на одной из них, в третьем ряду, лежала забытая кем-то куртка.

В центре была натянута сетка. Белая, с синей лентой по верхнему краю, она висела ровно, туго, как струна, и в утреннем свете из высоких окон казалась единственным новым предметом во всём этом старом помещении.

— Здесь мы тренируемся, — сказала Ирина Павловна. — Здесь же играем домашние матчи. Раздевалка за той дверью,

душевые — за той. Туалет — в коридоре, налево. — Она обернулась. — Вопросы есть?

— Есть. — Он поставил сумку на скамейку. — Расскажите, зачем вам это.

Тренер помолчала. Потом села на скамейку — тяжело, как садятся люди, у которых болит поясница, — и посмотрела на сетку.

— Команда называется «Стрела», — сказала она. — Студенческая. Играем в первой лиге, но нам там тесно: на выездные соревнования нужны деньги, а университет даёт копейки. — Она усмехнулась. — Вот девчонки и придумали. Календарь. Не порнуху, не «голые девки с мячом», а... — она поискала слово, — ...арт-проект. Чтобы было красиво. Чтобы люди покупали не из-за сисыки, а потому что красиво. — Она посмотрела на него. — Мне сказали, что вы умеете сделать красиво.

— Умею.

— И ещё мне сказали, — она чуть прищурилась, — что вы со странностями.

— У меня есть правила.

— Вот об этом и поговорим.

III

Он сел напротив неё на скамейку и разложил свои условия так, как раскладывают инструменты перед операцией.

— Первое, — сказал он. — Съёмка только здесь. В зале, в раздевалке, в душевых, в коридоре. Никакой улицы, никакого города, никакого «выйдите на натуру». Всё, что мне нужно, есть в этом здании.

— Согласна, — сказала тренер. — Улица — это проблемы.

— Второе. По одной. Каждая девушка заходит отдельно, без подруг, без команды, без телефонов. Мне нужно с ней наедине.

— Зачем?

— Затем, что в толпе человек позирует. А наедине — живёт.

Ирина Павловна посмотрела на него внимательно, и в её глазах что-то изменилось — не смягчилось, а стало внимательнее, будто она проверяла его по какому-то своему списку.

— Дальше, — сказала она.

— Третье. В финале — общий кадр. Все вместе. Это будет последний снимок дня. И это будет не просто «строй», а... — он замялся, — ...то, что получится. К вечеру.

— Хорошо. — Она кивнула. — А теперь мои условия. Съёмка — один день. До ночи. Чтобы я к утру уже отдала материалы в печать. Никаких «перезвоните через неделю».

— Успею.

— И ещё: я буду рядом. Не в кадре, а рядом. За дверью. Если кто-то из девчонок выйдет и скажет, что ей плохо, —

съёмка для неё заканчивается. Понятно?

— Понятно.

— Хорошо. — Она встала. — Теперь мои правила. — Она подняла палец. — Во-первых, никакой пошлости. Никаких «раздвиньте ноги», «прогнитесь», «а теперь как в журнале». Если я услышу что-то такое — я вас выгоню.

— У меня такого не будет.

— Посмотрим. Во-вторых, — она подняла второй палец, — никаких фотографий в интернет. Календарь — да. Всё остальное — нет. Исходники отдаёте мне, и я сама решаю, что пойдёт в дело.

— Согласен.

— В-третьих, — она помолчала, — девчонки разные. У кого-то татуировки. У кого-то, может, шрамы. У кого-то... — она повела рукой, — ...всё остальное. Вы не будете их переделывать. Не будете просить замазать, заклеить, сбрить. Снимаете как есть.

И вот тут он впервые за утро сказал то, из-за чего весь этот день потом покатился под откос.

IV

— У меня есть свои правила, — сказал он. — Два.

— Ну?

— Я не снимаю татуировки. — Он сказал это ровно, без пафоса. — Для меня это... — он поискал слово, — ...это не

моё. Я не могу смотреть на рисунок на женском теле и видеть красоту. Я вижу рисунок. Я вижу мастера, который его делал. Я вижу чужую волю, чужой вкус, чужую историю, которая мне не принадлежит. И это перебивает всё.

Тренер смотрела на него долго.

— То есть если у девчонки татуировка — вы её не снимете?

— Не сниму.

— А если она хорошая девочка, плачет, просит?

— Не сниму.

Ирина Павловна хмыкнула. Не зло — скорее с интересом.

— Ну, а второе? — спросила она.

— Второе — про естественность. — Он чуть замялся, но не отвёл глаз. — Я предпочитаю, чтобы там, внизу, было аккуратно, но не выбрито в гладь. Мне это кажется... — он искал слово, — ...женственным. Когда подстрижено ровно, но живое. Без этой детской гладкости. Гладкость — это как раз для журналов. А живое — это для человека.

Тренер засмеялась — коротко, сухо, но по-настоящему.

— Ну, вы даёте, — сказала она. — Я тридцать лет в спорте, я от девчонок чего только не слышала. Но чтобы фотограф отказывался снимать татуировки и требовал волосы на лобке — это впервые.

— Это не требование. Это моё предпочтение. Если будет иначе — я сниму. Просто... — он пожал плечами, — ...не так, как хотел бы.

— А если я скажу, что у меня в команде половина с татуировками, а другая половина выбрита в ноль?

Он помолчал.

— Тогда у нас будет трудный день.

Ирина Павловна встала и посмотрела на него сверху вниз — с той тренерской усмешкой, от которой у студентов подкашивались ноги.

— Посмотрим, как вы запоёте к вечеру, — сказала она.

V

Она вышла в коридор и крикнула — не громко, но так, что задребезжали стёкла в двери:

— Стрела! Строй!

И зал наполнился звуком.

Они входили через боковую дверь — по одной, потом парами, потом гурьбой, — и в зале сразу стало тесно от голов, от смеха, от скрипа кроссовок по натёртому полу. Тринадцать девушек в спортивной форме — тёмно-синей, с той же эмблемой, что у тренера, — и все разные, до того разные, что он на секунду забыл, зачем пришёл.

Он сел на трибуну, повыше, и стал смотреть.

VI

Ксения — капитан. Высокая, плечистая, с тёмным хвостом и с той осанкой, с какой стоят люди, привыкшие, что их слушаются. Она построила команду одним движением руки — не громко, без крика, — и девушки встали, и она обвела их взглядом, и он увидел, как она проверяет: все ли на месте.

Алина — либеро. Маленькая, жилистая, с короткой стрижкой и с той наглой ухмылкой, которая сразу говорила: «Попробуй меня переупрямь». Когда она повернулась, майка задралась, и он увидел на её рёбрах, сбоку, тонкую чёрную птицу — маленькую, в полёте, с раскрытыми крыльями.

Марта — центральная. Огромная, выше всех в команде, с мощными плечами и сильными ногами, и она стояла, чуть сутулясь, будто извиняясь за свой рост.

Софья — диагональная. Фигуристая, с красивой грудью и округлыми бёдрами, и она знала, что красива, и держалась так, как держатся женщины, которым это говорили с четырнадцати лет.

Елизавета — связующая. Невысокая, плотная, с сильными руками, и на запястье у неё была тонкая цепочка цифр — дата.

Дарья — доигровщица. Длинные ноги, тонкая талия, и она стояла, чуть отставив бедро, — привычка, отработанная перед зеркалом.

Ника — самая младшая. Худенькая, почти подростковая, с испуганным взглядом, и она всё время оглядывалась на Ксению, будто искала разрешения.

Арина — высокая, жилистая, с длинной спиной, и когда она повернулась, он увидел на лопатке, над лямкой майки, край цветка — большой, тёмный, с лепестками.

Олеся — полноватая для волейбола, но с той мягкой, живой полнотой, которая не мешает, а украшает.

Камилла — с восточной внешностью, с длинными тёмными волосами, заплетёнными в тугую косу, и с той сдержанностью, которая бывает у людей, живущих далеко от дома.

Влада — сильная, с забинтованным плечом, и на бедре, из-под шорт, выглядывала звезда.

Тамара — очень тихая, очень высокая, с длинными руками, и она стояла, опустив глаза, будто надеялась, что её не заметят.

Женя — рыжая, веснушчатая, невысокая, и она что-то говорила Алине вполголоса, и Алина смеялась, и по тому, как Женя держала лицо, было видно: она смешит не себя, а других.

Тринадцать. Разные. Живые.

VII

— Вот, — сказала Ирина Павловна, подходя. — Знакомьтесь. Это тот фотограф, о котором я говорила.

Он спустился с трибуны и встал перед строем, и тринадцать пар глаз посмотрели на него с тем любопытством, с каким смотрят на человека, от которого зависит, будут ли они выглядеть дурами.

— Меня зовут... — он замялся, потому что имени своего он никогда не называл, — ...неважно. Я снимаю.

— А почему неважно? — спросила Женя.

— Потому что вы будете сниматься не со мной. Вы будете сниматься с собой.

Девушки переглянулись.

— Он странный, — сказала Алина, не понижая голоса.

— Он странный, — согласилась Ирина Павловна. — Но он умеет.

VIII

Он объяснил им, как всё будет.

— Съёмка идёт весь день. Каждая заходит по одной, вот в ту дверь. Внутри — я, камера и вы. Никого больше. Ни подруг, ни телефонов, ни тренера. — Он посмотрел на Ирину Павловну. — За дверью.

— За дверью, — подтвердила она.

— В зале, в раздевалке, в душевых. Где вам будет удобно. Где вам будет... — он поискал слово, — ...честно.

— А раздеться? — спросила Дарья.

— Когда будете готовы.

— А если не буду?

— Тогда не будете. — Он пожал плечами. — Я не заставляю. Я снимаю.

По строю прошёл шёпот.

— И ещё, — сказал он. — Я сразу скажу, чтобы потом не было сюрпризов. У меня есть два правила. Я не снимаю татуировки. И я предпочитаю, чтобы там, внизу, было аккуратно, но не выбрито.

Он сказал это ровно, без извинений, и посмотрел на них.

И увидел, как по строю прошла волна.

Алина опустила глаза — и прикрыла рукой то место на рёбрах, где была птица. Арина дёрнула лопаткой. Влада чуть сдвинула шорты на бедре. А Марта, наоборот, подняла голову и посмотрела на него с вызовом. И Женя засмеялась — громко, неожиданно, — и сказала:

— Ну, началось.

IX

— Так, — сказала Ирина Павловна. — Хватит. Разговорчики потом. — Она хлопнула в ладоши. — Стрела! Разминка! Двадцать минут! Потом — по одной, по списку.

Девушки разошлись по залу, и зал снова наполнился звуком: скрип кроссовок, стук мяча, голоса, смех. Он отошёл к окну и стал смотреть, как они разминаются, — и постепенно стал различать в этом общем движении отдельные тела,

отдельные истории.

Ксения разминалась отдельно, у сетки, и движения у неё были точные, экономные, как у человека, который бережёт силы.

Алина носилась по залу, как мячик, и всё время что-то говорила, и все смеялись.

Марта стояла у стены и тянула плечи, и в её движениях была та осторожность, с какой большие люди обращаются со своим телом.

Ника стояла в стороне и смотрела на всех, и на лице у неё было выражение человека, который пришёл на праздник, куда его не звали.

Тамара молчала. Просто молчала — стояла и тянулась, — и в этом молчании было что-то такое, от чего становилось не по себе.

А Влада, та, с забинтованным плечом, разминалась одной рукой — и по тому, как она смотрела на здоровую руку, было видно: она прощается.

X

— Ну что, — сказала Ирина Павловна, подходя к нему.
— Посмотрели?

— Посмотрел.

— И что скажете?

Он помолчал.

— У вас тринадцать разных девушек, — сказал он. — И у каждой что-то болит.

Тренер усмехнулась.

— А вы думали, в спорте только медали?

— Не думал.

Она посмотрела на него — долго, внимательно, — и в её глазах было что-то новое, будто она только сейчас решила, что он, может быть, и не зря приехал.

— Слушайте, — сказала она тихо. — Я вам скажу одну вещь. Только между нами. — Она помолчала. — Они все придут к вам сегодня. Все тринадцать. И каждая что-нибудь расскажет. Не потому, что вы такой хороший. А потому, что им давно некому рассказать. — Она взглянула на него. — Вы уж постарайтесь не сильно их... — она поискала слово, — ...не сильно их разочаровать.

— Постараюсь.

— И ещё. — Она усмехнулась. — Насчёт ваших правил. Про татуировки и про... — она повела рукой. — Вы это серьёзно?

— Серьёзно.

— Ну, — она хлопнула его по плечу, — тогда я вам вот что скажу. — Она посмотрела на своих девчонок, которые разминались в зале. — К вечеру вы либо забудете про свои правила. Либо уйдёте отсюда с пустой картой памяти.

XI

Первая дверь открылась в половине десятого.

Он сидел в раздевалке — на скамейке, перед шкафчиками, — и настраивал свет, когда в коридоре стукнули шаги, и дверь приоткрылась, и в проёме показалась Ксения.

Она стояла, держась за ручку, и смотрела на него — прямо, спокойно, как смотрят люди, которые не боятся.

— Можно? — спросила она.

— Заходите.

Она вошла и закрыла за собой дверь — тихо, до щелчка.

И день начался.

XII

А он в это время думал о том, что тренер права.

Тринадцать девушек. Тринадцать историй. Тринадцать тел — с татуировками и без, выбритых и не очень, — и каждая будет стоять перед ним и что-то рассказывать, и каждая будет ждать, что он скажет: «Ты красивая».

И он знал, что скажет. Потому что это будет правдой.

Он только не знал, что к вечеру эта правда станет для него сложнее, чем он думал.

ХІІІ

За окном шёл дождь — мелкий, сентябрьский, — и по стеклу ползли капли, и в зале девушки перебрасывались мячом, и смех их доходил до раздевалки приглушённо, будто из другой комнаты.

Ксения села на скамейку напротив и положила руки на колени.

— Ну, — сказала она. — С чего начнём?

— С того, зачем вы здесь.

Она задумалась. И он увидел, как на её лице — спокойном, капитанском — что-то дрогнуло.

— Затем, — сказала она, — что я устала быть капитаном.

Он поднял камеру.

И день пошёл.

Капитан

I

Раздевалка была маленькая, тесная, с двумя рядами шкафчиков, покрашенных в тот же тёмно-синий цвет, что и форма команды, и с деревянной скамьёй посередине, на которой кто-то оставил забытую резинку для волос и вчерашнюю программку матча. Пахло потом, дезодорантом и мокрой резиной от кроссовок, сложенных под скамьёй.

Ксения сидела напротив, положив руки на колени, и держала спину так, будто её проверяли. Плечи развёрнуты, подбородок чуть приподнят, взгляд ровный — она смотрела на него так, как смотрят на судью: вежливо, внимательно и без единой лишней эмоции.

— С чего начнём? — спросила она.

— С того, зачем вы здесь.

— Я здесь, потому что так решила команда. — Она сказала это ровно, как докладывают. — Я капитан, я отвечаю за сбор средств. Календарь — моя идея. Значит, и съёмка — моя ответственность.

— Я спросил не про команду. Я спросил про вас.

Она чуть приподняла бровь.

— А это имеет значение?

— Имеет.

— Почему?

— Потому что на фотографии будет видно, кто стоит перед камерой. — Он поднял аппарат. — Если передо мной капитан — на снимке будет капитан. Если Ксения — будет Ксения. Мне нужно знать, кого я снимаю.

Она помолчала. Потом улыбнулась — коротко, вежливо, той улыбкой, которой, наверное, закрывала все неудобные разговоры в команде.

— Снимайте капитана, — сказала она. — Капитана все знают.

II

Он снимал её в зале, у сетки. Свет из высоких окон падал сбоку, ровный, серый — сентябрьское утро, за стеклом морось, — и ложился на пол длинными прямоугольниками, и в этом свете пыль висела в воздухе, как в старой библиотеке.

Ксения стояла у сетки, и он сразу увидел то, о чём говорила тренер: она была высокой и сильной, с широкими, развёрнутыми плечами, с узкими бёдрами и длинными ногами, и в её фигуре была та собранность, которая бывает у людей, привыкших к нагрузке. Тёмные волосы она стянула в тугой хвост, и ни одна прядь не выбилась. На ней была синяя майка и шорты, и на руках — тонкие следы от мяча, будто кто-

то провёл по коже серым карандашом.

На ней не было ни одной татуировки. Он отметил это сразу — и, к своему раздражению, отметил с облегчением. Про себя. Не вслух.

— Встаньте вот здесь, — сказал он. — Лицо к окну. Руки вдоль тела. Не позируйте.

— Я не позирую.

— Вы стоите, как на построении.

— Я капитан, — сказала она. — Я всегда стою, как на построении.

Он опустил камеру.

— Вот об этом я и говорю.

III

Первые кадры были мёртвые. Она стояла идеально — и это было главной проблемой. Плечи развёрнуты, спина прямая, подбородок на нужной высоте, руки ровно, — всё так, как надо, и всё не так. Он снимал её сбоку, и она поворачивалась на счёт «раз», и снимал в профиль, и она поднимала подбородок на счёт «два», и это было похоже на строевой смотр, а не на съёмку.

— Расслабьте плечи.

— Они расслаблены.

— Нет. — Он подошёл ближе. — Вы держите их так, будто под ними доска.

Она чуть дёрнула уголком рта.

— Я двенадцать лет так стою.

— Двенадцать?

— С десяти. Меня привели в секцию, и тренер сказала: «Девочка с хорошими плечами. Будет связующей». — Она усмехнулась. — С тех пор я и стою.

— А если не стоять?

— Тогда всё развалится.

Она сказала это спокойно, без пафоса, как говорят о вещах, которые давно решены, и он нажал на затвор, потому что именно в эту секунду её лицо стало настоящим.

IV

— Расскажите, — сказал он. — Как вы стали капитаном? Ксения помолчала, глядя на сетку.

— Меня выбрали на втором курсе, — сказала она. — Старый капитан выпустилась, а я была... — она поискала слово, — ...самой надёжной, что ли. Я никогда не опаздывала, не прогуливала, не ныла. Я всегда была там, где надо.

— И как?

— Что «как»?

— Каково это — быть самой надёжной?

Она посмотрела на него — и в её глазах что-то дрогнуло, но тут же выровнялось.

— Нормально, — сказала она. — Кто-то же должен.

— Почему вы?

— Потому что если не я, то кто? — Она пожала плечами. — У нас команда — тринадцать человек. У Алины мать умерла, она до сих пор не может об этом говорить. У Влады плечо, и она не знает, вернётся ли на площадку. У Ники первый год, она боится дышать. У Тамары вообще... — она запнулась. — Неважно. Если я сяду и заплачу, кто будет их собирать?

— А кто собирает вас?

Она замолчала.

И он увидел, как на её лице — спокойном, капитанском — что-то сломалось. Не сразу. Медленно, как трещина по стеклу.

V

— Никто, — сказала она наконец.

— Совсем?

— Совсем. — Она смотрела на сетку. — Я капитан. Я не могу позволить себе... — она поискала слово, — ...быть слабой. Потому что они на меня смотрят. Если я покажу, что мне страшно, — им будет ещё страшнее.

— А вам страшно?

Она не ответила. Он ждал. В зале было тихо, только в коридоре кто-то уронил мяч, и он покатился, и стук его удалялся.

— Мне страшно, — сказала она тихо. — Мне очень страшно. У нас через полтора года выпуск. Кто-то уйдёт в магистратуру, кто-то замуж, кто-то вообще уедет. И команды не будет. — Она выдохнула. — Я двенадцать лет в волейболе. Я не помню себя без него. И я не знаю, кто я, если не капитан.

Она наконец посмотрела на него.

— Вот, — сказала она. — Вы этого хотели?

— Да.

— Зачем?

— Потому что это — вы. А то, что было до этого, — это капитан.

VI

Он попросил её снять майку. Она сняла — быстро, по-спортивному, — и осталась в спортивном бюстгальтере, чёрном, простом, и в шортах.

И он увидел её тело — то, что скрывала форма: широкие, сильные плечи, с той линией мышц, которая появляется от подач и блоков, но не грубеет, а остаётся женственной; длинную шею; тонкую талию; плоский живот с едва заметной мягкостью внизу, у резинки шорт; и узкие бёдра, которые в спорте называют «мальчишескими», а на деле они просто неширокие.

— Я знаю, что у меня не такая фигура, как у Дарьи, —

сказала она. — У неё грудь, бедра, всё как надо. А у меня плечи и руки.

— И?

— И ничего. Я не жалуюсь. — Она повела плечом. — Я просто... — она поискала слово, — ...я просто знаю свои сильные стороны. И слабые.

— Какие слабые?

— У меня нет груди, — сказала она просто. — Ну, то есть есть, но маленькая. И бедра узкие. И если я не в форме, то выгляжу как... — она замялась.

— Как кто?

— Как парень в платье. — Она усмехнулась, но усмешка вышла кривой.

Он опустил камеру.

— Вы так думаете?

— Я так знаю. — Она посмотрела на него. — Мне один раз сказали: «Ксюх, ты красивая, но тебе бы грудь побольше». Это был парень. Я тогда влюблена была. — Она помолчала. — С тех пор я думаю об этом каждый раз, когда раздеваюсь.

VII

— Снимите шорты, — сказал он.

Она замерла. И он увидел, как она впервые за всё утро испугалась — не сильно, но по-настоящему.

— Здесь? В зале?

— Здесь никого нет.

— А если кто-то войдёт?

— Не войдёт. Тренер за дверью.

Она долго смотрела на него. Потом встала, и расстегнула шорты, и спустила их, и переступила, и осталась стоять в одном чёрном белье, и он увидел её ноги — длинные, сильные, с той линией икры, которая делает фигуру стремительной.

Она стояла, опустив руки, и не прикрывалась, и смотрела в сторону — не на него, в окно.

— Вот, — сказала она. — Смотрите.

Он снимал.

Он снимал, как она стоит у сетки, и как свет из окон ложится на её плечо и на живот, и как она дышит, и как на её руках видны тонкие серые следы от мяча.

— Повернитесь, — сказал он.

Она повернулась — и он увидел её спину: широкую, прямую, с ложбинкой вдоль позвоночника, с двумя ямочками над поясницей.

— У вас красивая спина, — сказал он.

— У меня спина человека, который двенадцать лет подаёт.

— У вас красивая спина.

Она обернулась через плечо.

— Вы это всем говорите?

— Я говорю, что вижу.

VIII

Он снимал её ещё час, и постепенно она начала оттаивать. Не так, как другие, — не через смех, не через иронию, — а медленно, будто отходила от наркоза. Плечи опустились. Дыхание стало глубже. Она перестала проверять, ровно ли стоит.

— Знаете, — сказала она, — я в детстве думала, что буду знаменитой. Не моделью, не актрисой. Волейболисткой. Я представляла, как выхожу на площадку, и весь зал встаёт. — Она усмехнулась. — А потом я выросла и поняла, что я — связующая. Я не забиваю. Я отдаю. Меня даже по телевизору не показывают.

— Это важно?

— Что?

— Чтобы показывали.

Она задумалась.

— Раньше я думала, что важно. А сейчас... — она помолчала. — Сейчас я думаю, что важно, чтобы кто-то заметил. Не зал. Не телевизор. А кто-то один. Чтобы посмотрел и сказал: «Я вижу, что ты делаешь».

Она отошла к сетке и взялась за неё обеими руками — просто так, — и он снимал её: как она стоит, держась за сетку, и как свет ложится на её тело, и как она смотрит сквозь ячейки.

IX

И тут она заплакала.

Не сразу — сначала просто замерла, и дыхание у неё сбилось, и он увидел, как она пытается его выровнять, — привычка, отработанная годами. А потом слёзы пошли, и она не стала их вытирать, и не отвернулась, а просто стояла, держась за сетку, и плакала — беззвучно, только плечи вздрагивали.

Он не опустил камеру. Он снимал.

Он снимал, как она стоит у сетки, и как слёзы текут по лицу, и как она прижимается лбом к белой ленте, и как её пальцы сжимают ячейки.

— Я устала, — сказала она в сетку. — Господи, как я устала.

Он молчал.

— Я не хочу быть железной, — сказала она. — Я хочу, чтобы кто-то другой был железным. Хотя бы один день. Чтобы я могла просто... — она запнулась.

— Просто что?

— Просто быть. — Она подняла голову. — Просто стоять. Просто дышать. Не думать, кто что скажет. Не думать, что будет после выпуска. Не думать, что команда развалится.

Она вытерла лицо тыльной стороной ладони — резко, по-спортивному.

— Вот, — сказала она. — Теперь вы видели капитана в соплях. Довольны?

— Я видел Ксению.

Она посмотрела на него — долго, недоверчиво.

X

— Можно, — сказала она вдруг, — можно я вас попрошу?

— Попросите.

— Снимите меня... — она замялась, — ...не капитаном.

Не «той, которая отвечает за всех». А... — она поискала слово, — ...просто Ксюшей. Двадцати двух лет. Которая не знает, что будет дальше. Которая... — она запнулась.

— Которая боится.

— Да. — Она выдохнула. — Боится.

Он снял её так.

Он снимал, как она стоит у сетки, уже без белья, — она сняла его сама, молча, не глядя на него, — и как свет ложится на её плечи и на живот. Он снимал, как она отходит от сетки и садится на пол, прямо на натёртый паркет, и как она вытягивает ноги, и как она смотрит не в камеру, а в окно.

И та самая аккуратная, живая линия внизу — подстриженная, но не выбритая, — была у неё такой, какой он и любил: естественной. Он не сказал ей об этом. Но отметил про себя.

А потом она подняла руки и вытащила резинку из хвоста.

Волосы упали ей на плечи — тёмные, тяжёлые, — и она встряхнула головой, и он нажал на затвор.

— Вот, — сказала она тихо. — Вот это я.

XI

— Знаете, что самое странное? — сказала она, сидя на полу. — Я сейчас голая сижу в зале, где мы тренируемся. И мне не стыдно. Хотя должно быть.

— Почему должно?

— Потому что это зал. Тут я капитан. Тут я не могу... — она повела рукой.

— А сейчас?

— А сейчас я не капитан. — Она посмотрела на него. — Я просто девушка, которая сидит на полу и не знает, что будет через полтора года.

Она помолчала.

— И знаете, — добавила она, — это первый раз за двенадцать лет, когда мне не надо ничего решать.

XII

Она оделась — быстро, по-спортивному, — и он снимал и это: как она натягивает шорты, как собирает волосы в хвост перед маленьким зеркалом на шкафчике, как проверяет, нет

ли следов слёз.

— Слушайте, — сказала она у двери. — Вы там про правила говорили. Про татуировки и про... — она замялась. — Ну, вы поняли.

— Понял.

— У нас в команде есть девочки с татуировками, — сказала она. — И есть те, кто выбривается. Вы их правда не будете снимать?

— Буду.

Она удивлённо подняла бровь.

— А как же правила?

— Правила — это мои предпочтения. А они не всегда совпадают с жизнью. — Он пожал плечами. — Я снимаю людей. Не свои вкусы.

Ксения помолчала. Потом улыбнулась — впервые за всё утро по-настоящему, тепло, чуть криво.

— Знаете, — сказала она, — я, наверное, зря вас боялась.

— Вы меня боялись?

— Все вас боятся. — Она открыла дверь. — Вы же снимаете не то, что мы показываем. А то, что есть.

Она вышла в коридор — и сразу стала другой: спина выпрямилась, подбородок приподнялся, шаг стал твёрдым. Капитан возвращался.

А он ещё постоял в раздевалке, глядя на скамейку, на которой она сидела, и на забытую резинку для волос, и подумал, что день будет длинным.

ХІІІ

За дверью послышался её голос — ровный, командирский:

— Алина! Ты следующая. Иди, не тяни.

И в ответ — наглый, звонкий:

— Иду, иду. Не командуй.

Он поднял камеру, проверил кадр на экране — Ксения у сетки, с распущенными волосами, с мокрым лицом, — и оставил его. Не стал удалять.

И открыл дверь для следующей.

Либеро

I

Она вошла, не постучав, — толкнула дверь плечом, будто та была тяжёлой, — и сразу прошла к шкафчикам, бросила сумку на скамью, села рядом, закинув ногу на ногу, и посмотрела на него снизу вверх.

— Ну, — сказала она. — Я Алина. Я либеро. Я самая маленькая в команде, и я самая быстрая. Меня не надо снимать красиво, меня надо снимать быстро.

Ей было девятнадцать, и она была из тех, кого природа делает для движения, а не для фотографии: маленькая, жилистая, с сухими мышцами и быстрыми руками, с той собранностью тела, которая не берётся в зале, а даётся с рождения. Волосы — коротко стриженные, тёмные, — она, наверное, стригла их сама, машинкой, и они торчали упрямым ёжиком. Лицо — острое, с высокими скулами, с наглой ухмылкой, которая, если смотреть долго, становилась похожа на гримасу. И глаза — тёмные, быстрые, — они всё время двигались, будто она следила за невидимым мячом.

На ней была синяя майка и шорты, и она сидела, откинувшись назад, и в её позе было столько вызова, что он понял:

разговор будет непростой.

— Вы, я слышала, со странностями, — сказала она. — Про правила там, про татуировки. — Она усмехнулась. — Ну что, посмотрим?

— Посмотрим.

II

Он начал снимать её в раздевалке — у шкафчиков, на скамье, — и она позировала так, как позируют люди, которые хотят показать, что им всё равно: руки в карманы, ноги вразлёт, подбородок вверх.

— Не надо вызова, — сказал он.

— Это не вызов. Это я.

— Это броня.

Она опустила подбородок.

— Вы психолог?

— Нет. Я смотрю.

Она фыркнула, но что-то в её лице изменилось — неуловимо, как будто она впервые слышала от него не то, что ждала.

— Ладно, — сказала она. — Снимайте.

Он снимал её у шкафчиков — как она сидит, как смотрит, как вертит в руках забытую резинку для волос, — и постепенно вызов из её позы стал уходить, а на его месте появилось что-то другое: не страх, а настороженность.

— Снимите майку, — сказал он.

Она сняла — быстро, по-спортивному, — и он увидел её рёбра, обтянутые кожей, и на них, сбоку, под левой рукой, тонкую чёрную птицу. Маленькую, в полёте, с раскрытыми крыльями, — она была сделана аккуратно, тонко, и выглядела старой, будто её набили давно.

И тут он сказал то, что должен был сказать.

— У вас татуировка.

— Ну.

— Я не снимаю татуировки. — Он опустил камеру. — Это моё правило.

Алина замерла. И он увидел, как её лицо меняется: сначала недоумение, потом — злость.

III

— То есть как это? — спросила она.

— Я не снимаю татуировки. Это мои предпочтения. Я не вижу красоты в рисунке на теле.

— Не видите красоты? — Она засмеялась — коротко, зло.

— А я, значит, не модель? Я, значит, не подхожу?

— Вы подходите. Просто...

— Просто что? — Она встала. — Просто у меня птица на рёбрах, и поэтому я — брак? Поэтому меня нельзя снять? Поэтому я не красивая?

— Я этого не говорил.

— А что вы говорили? — Она ткнула в него пальцем. — Вы говорили: «Я не снимаю татуировки». Это значит: «Ты не подходишь». Всё, точка. Не надо юлить.

Она отвернулась, и он увидел, как у неё дрожат плечи, — не от слёз, от злости.

— Знаете, сколько раз я это слышала? — сказала она в шкафчик. — «Алина, зачем ты это набила?» «Алина, это некрасиво». «Алина, ты бы лучше волосы отрастила, чем вот это». — Она обернулась. — Все всё знают. Все всё понимают. А я одна, дура, думала, что фотограф — это тот, кто смотрит. А вы такой же.

Он молчал.

— Ну? — сказала она. — Что молчите? Скажите что-нибудь.

— Расскажите, — сказал он. — Про птицу.

IV

Она замерла. И он увидел, как злость с её лица уходит — медленно, как вода из треснувшего сосуда, — и на её месте остаётся что-то другое. Что-то, чего она, наверное, никому не показывала.

— Зачем? — спросила она тихо.

— Затем, что вы её не просто так набили. И вы не просто так сейчас стоите и кричите на меня.

Она села на скамью. Медленно, будто у неё подкосились

ноги. И посмотрела в пол.

— Мама, — сказала она. — Птица — это мама.

— Расскажите.

Она долго молчала. В раздевалке было тихо, только в коридоре кто-то ходил, и шаги удалялись.

— Ей было сорок один, — сказала Алина. — А мне шестнадцать. Она заболела зимой — думали, простуда, — а оказалось... — она запнулась. — Оказалось, что всё. Три месяца. И всё.

Она подняла на него глаза.

— Она пела, — сказала она. — Она всегда пела. Утром, когда собиралась на работу, она пела что-то — не помню что, — и я думала, что это будет всегда. А потом её не стало, и в доме стало тихо. — Она выдохнула. — Я ненавижу тишину. Понимаете? Я поэтому и в волейбол пошла. Там всегда кто-то кричит. Там всегда звук.

Она коснулась рукой рёбер — там, где была птица.

— А это... — она запнулась. — Я пришла в тату-салон через полгода. Мне было шестнадцать, я соврала про возраст. И я сказала мастеру: «Птица. Маленькая. В полёте». Он спросил: «Почему в полёте?» А я сказала: «Потому что она улетела».

V

Он молчал.

Алина сидела на скамье, и на её глазах были слёзы, но она их не вытирала, и это было самое честное, что он видел за всё утро.

— Я не люблю, когда меня жалеют, — сказала она. — Поэтому я такая. Наглая. Громкая. Чтобы никто не подумал, что мне больно. — Она усмехнулась, но усмешка вышла кривой. — А мне больно. Каждый день. И особенно когда кто-то говорит: «Алина, зачем ты это набила?»

— Я не говорил «зачем».

— Вы сказали, что не видите красоты.

— Да. — Он помолчал. — Я сказал, что не вижу красоты в рисунке. Но я вижу её в вас. И я вижу, что этот рисунок — не украшение. Это...

— Память, — сказала она. — Это память.

— Да.

Она посмотрела на него — долго, недоверчиво.

— И что теперь? — спросила она. — Вы меня снимете? Или я пойду?

Он поднял камеру.

— Снимайтесь.

VI

Она сняла майку до конца — быстро, будто боялась передумать, — и осталась в спортивном бюстгальтере, и птица на её рёбрах стала видна целиком: тонкая, чёрная, в полёте,

с раскрытыми крыльями, и она была такой маленькой, что казалась случайной, но он теперь знал, что она не случайная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.